

Се Уцзю казалось, что его жизнь в образе «лотоса» превратилась в какой-то сюрреалистичный кошмар.

Будучи истинным хозяином Зеркала Десяти Тысяч Образов, он имел отдельный вход, позволявший ему свободно перемещаться в любую точку. Он также мог создавать внутри Зеркала свои собственные локации, которые не мог найти даже Старец Ста Трав.

Изумрудная степь посреди вечной мерзлоты была его любимым убежищем, где медитация в истинной форме лотоса ледяного сердца давала наилучшие результаты.

Он спокойно совершенствовался здесь многие годы.

До сегодняшнего дня, когда кто-то внезапно ворвался, разрушил иллюзию и «похитил» его.

Череда этих событий заставила его подумать, что он спит.

Однако это был не сон.

Какие бы артефакты ни использовались, в этом мире существовало лишь два человека, способных после входа в Зеркало переместиться в созданную им лично иллюзию.

Один – Великий Мастер, который его вырастил. Второй – его ученик, Бай Сяньчэнь, испустивший дух у него на руках десять лет назад.

Тот, кто похитил его, это...

...

Перед тем как окончательно покинуть Зеркало, Бай Сяньчэнь машинально вырвал клочок травы, а затем озадаченно замер.

Хотя Се Уцзю когда-то учил его заклинаниям трансформации, Бай Сяньчэнь всем сердцем отвергал техники Пути Бесстрастия. Он зубрил их лишь ради экзаменов и благополучно забывал сразу после испытаний.

Сейчас он помнил лишь первый слог каждого заклятия...

Бай Сяньчэнь достал цветок, встряхнул его и дал ему подходящее имя – Ледяная Красавица. По его мнению, раз Ледяная Красавица могла удерживать корнями целую иллюзию, она наверняка владела трансформацией – уж точно лучше него.

— Красавица, ты умеешь превращать вещи? — Он снова легонько качнул цветок, умоляюще добавив:

— Если умеешь, не могла бы ты превратить эту траву в нефритового кролика с духовными узорами?

Понимая, что оживить неодушевленный предмет непросто, Бай Сяньчэнь не собирался настаивать. Подождав немного и не увидев результата, он уже хотел спрятать цветок обратно. Но стоило ему шевельнуться, как пучок травы в руке внезапно превратился в кролика – белоснежного, с алыми глазами и отчетливой золотой меткой на лбу.

Пораженный мастерством цветка, Бай Сяньчэнь восхищенно похлопал по лепесткам:

— Потрясающе! Спасибо. Вот выберемся отсюда, и я найду тебе отличное место для практики. А когда ты обретишь человеческий облик, я заберу тебя в Мир Призраков торговать в лавке, там очень весело.

Компас фэншуй, до этого старавшийся не отсвечивать, вдруг высунул две механические руки и изобразил вопросительный знак: «Правда весело?»

Бай Сяньчэнь в очередной раз швырнул компас подальше.

Выйдя из Зеркала, Бай Сяньчэнь сразу отдал поддельного кролика Линь Цзину.

Настоящий питомец, скорее всего, затерялся где-то рядом с вещью Ван Кэ, и искать его было долго. Если Линь Цзин продолжит ходить за ним хвостом, Бай Сяньчэнь не сможет действовать свободно. Проще было спровадить юношу фальшивкой, а когда тот уйдет, вернуться и по-настоящему заняться поисками.

Бай Сяньчэнь понятия не имел, как именно выглядел кролик Линь Цзина, и Ледяная Красавица тоже не знала – они сотворили его наугад. Подделка наверняка отличалась от оригинала.

Бай Сяньчэнь уже заготовил жесты для оправданий, но Линь Цзин ни на миг не усомнился. Он даже торжественно извинился перед Бай Сяньчэнем, выглядя абсолютно счастливым от возвращения «беглеца».

Вскоре они разошлись, и Линь Цзин больше не докучал.

Бай Сяньчэнь в замешательстве почесал затылок.

Ему всё это показалось подозрительным. Он уже потянулся за цветком, чтобы спросить совета, как вдруг кто-то окликнул его, прервав мысли:

— Ван Кэ! Ты что тут делаешь?

К нему подбежал запыхавшийся человек и начал оттаскивать от Зеркала:

— Старец Ста Трав же ясно сказал: скоро Церемония, и пока она не закончится, ученикам нашего пика в Зеркало ни ногой. Старшие братья с других пиков готовят арены, нечего тебе там болтаться, попадешься – опять влетит.

Бай Сяньчэнь привык считать себя неудачником, но сегодняшний уровень невезения явно превзошел все рекорды.

Новости и события сыпались одно хлеще другого.

Церемония будет длиться полмесяца, и всё это время Зеркало будет закрыто для своих учеников. Бай Сяньчэнь не сможет войти за вещь, а после окончания празднеств артефакт закроют на профилактику, когда вход разрешат только внутренним ученикам.

К тому моменту, когда допустят внешних учеников, все сроки договора с Ван Кэ давно истекут.

Бай Сяньчэнь впал в тяжкие раздумья.

Собеседник довел его до жилья внешних учеников и, видя его хмурое лицо, усмехнулся:

— Можно же немного побездельничать, разве плохо?

Бай Сяньчэнь покачал головой: «Плохо. Совсем плохо».

Тот вздохнул:

— Ну и прилежный же ты. Всего лишь подсобная работа, чего так серьезно относиться? Ах да, нашелся зверь Линь Цзина? Я сказал ему, что ты ушел собирать травы, ты его видел?

Бай Сяньчэнь догадался, что перед ним тот самый Ху Цин, о котором упоминал Линь Цзин.

Ху Цин был внутренним учеником Пика Десяти Тысяч Образов и курировал группу внешних учеников, включая Ван Кэ.

Бай Сяньчэнь рассеянно кивнул.

Ху Цин еще немного поболтал о пустяках, но поскольку «Ван Кэ» был немым, беседа быстро завяла. Он уже собрался уходить, но спохватился:

— Старейшина распорядился, чтобы в этой Церемонии участвовали все ученики нашего пика, кто только может. Я взял на себя смелость и вписал всех наших в списки.

— Однако, — добавил Ху Цин, — твое имя я вносить не стал. Не благодари! Иди отдыхай.

Способности Ван Кэ были слишком плачевными. Ху Цин рассуждал так же, как Линь Цзин: участие для этого парня обернулось бы только лишними тумаками.

Бай Сяньчэнь смотрел вслед Ху Цину, который ушел с чувством выполненного долга, и не знал, что и думать.

Похоже, Ван Кэ не пользовался особой популярностью. Пройдя пару шагов мимо кучки людей, Бай Сяньчэнь поймал на себе немало недружелюбных взглядов.

В конце концов он отыскал в углу двора каморку с табличкой «Кэ».

Войдя внутрь, он рухнул на кровать и погрузился в размышления.

Перед ним было три пути.

Первый: немедленно покинуть гору Тайчу и вернуть призрачные кристаллы Ван Кэ. Но от одной мысли об этом сердце обливалось кровью...

Второй: Церемония ещё только готовится, и у Зеркала пока нет охраны. Можно попробовать пробраться в ближайшие ночи. Но этот способ целиком зависел от капризов Лопаня-навигатора – слишком велик риск влипнуть в опасную иллюзию или вовсе потерять шанс.

Третий: участвовать в Великой церемонии принятия учеников. Если поднапрячься и грамотно распределить силы, можно выбиться из внешних учеников во внутренние. Тогда он получит новый статус, более высокий уровень доступа и сможет спокойно проверить все локации одну за другой. Этот путь был самым надежным, но требовал слишком много времени.

Взвесив всё, Бай Сяньчэнь сразу отмел первый вариант. Он решил сначала попробовать второй путь, а в случае неудачи оставить третий как запасной.

Решено: выход сегодня ночью.

В ожидании темноты он вынул Ледяную Красавицу и соорудил некое подобие цветочного горшка из сложенной одежды. Он коснулся ткани кончиком пальца, сосредоточился, но спустя долгое время одежда так и не заледенела.

Черт! Он всё делал точно по инструкциям Се Уцзю, но результата ноль. Очевидно, Се Уцзю учил его из рук вон плохо! Только и умел, что читать нотации...

— Он даже такого гения, как я, не смог ничему научить и ещё смеет набирать новых учеников?
— в сердцах воскликнул Бай Сяньчэнь. — Да это я должен взять его в ученики!

Этот возглас был столь внезапным, что компас фэншуй, уже собравшийся «зимовать», высунул лапку и указал на цветок в руках хозяина – мол, намекаю второй раз.

Бай Сяньчэнь снова не понял знака. Он посмотрел на Ледяную Красавицу:

— Прости, эм... можешь сама превратить это во что-то подходящее для жилья? У меня есть дела, пока не могу забрать тебя с собой.

Цветок не отреагировал.

Зато Лопань внезапно завращался, и стрелка замерла на отметке: «Беда».

Бай Сяньчэнь скривился, решив, что цветок обиделся. Он легонько погладил лепесток:

— Ну не злись, только что же всё было хорошо. Не надо дуться! Давай так: посиди пока у меня за пазухой, ночью сходим к Зеркалу, заодно и поищем тебе горшок. Договорились?

Бай Сяньчэнь решил подсластить пилюлю обещаниями:

— Дай мне немного времени. Как выберемся из этой дыры, я обеспечу тебе шикарную жизнь!

Компас окончательно отчаялся и притих. Ему не удалось предупредить Бай Сяньчэня; оставалось только надеяться, что Се Уцзю сам найдет момент и сбежит. Лишь бы эта история поскорее закончилась, пока Бай Сяньчэнь не решил выместить на нем злость.

Бай Сяньчэнь не спеша собрался и, когда совсем стемнело, спрятал цветок в одеждах, готовый к вылазке.

Однако, открыв дверь, он едва не ослеп от сияния полной луны, висевшей высоко в небе.

С каменным лицом Бай Сяньчэнь закрыл дверь и вернулся в комнату.

Жизнь – штука непредсказуемая.

С его-то удачей, даже прыгнув с крыши, можно застрять в щели.

Пока симптомы не проявились в полной мере, он прекратил жаловаться. Схватив компас, он направил на него внутреннюю силу и закрепил на двери: артефакт тут же сработал как замок, наложив на комнату барьер.

Убедившись, что никто не сможет войти, Бай Сяньчэнь замер в ожидании очередного «подарка судьбы».

Главным призом в этой лотерее была бы спокойная ночь.

Но сегодня ему явно не везло: вскоре ноги перестали слушаться, следом затуманилось зрение и начал пропадать слух. Похоже, сегодня комбо: паралич ног, глухота и слепота.

«Ну, сойдет. Зато свет не будет мешать, шумы не разбудят, и сам никуда не уйду во сне. Посплю без сновидений».

Бай Сяньчэнь не унывал. Он уже научился обходить баг с ногами: прежде чем они окончательно окоченели, он по-зомби допрыгал до пола, улёгся поудобнее и провалился в сон.

Благодаря лишним слоям одежды жесткий пол его совсем не смущал.

Для культиватора спать на полу – плевое дело.

Похвалив себя мысленно, он окончательно отключился.

Сквозь дрему ему почудилось, будто прохладный ветерок коснулся щеки, а затем мир перевернулся.

Во сне ему казалось, что он лежит на мягкой постели.

Хотя ощущения были странными.

Будто он вернулся в те времена, когда держал Се Уцзю в плену в демонических владениях. Тогда он нагло засыпал, привалившись к его руке, но рука учителя была такой холодной, что сон приносил лишь дискомфорт.

Или будто он вернулся в пору ученичества, когда непутёвый старейшина Громовой Молот подпоил его, и Бай Сяньчэнь явился домой с раскалывающейся головой. Лёжа на спине, он боялся, что его вырвет, и Се Уцзю, не имевший опыта заботы об учениках, решил, что парень вот-вот умрёт, а потому великодушно протянул ему руку вместо подушки. Тогда рука учителя была приятной температуры – ни горячее, ни холодной.

Наверное, это всё же был какой-то другой сон.

Потому что сегодня прикосновение было почти горячим.

Ему это нравилось.

Но проку от этого «нравится» не было. Се Уцзю следовал Пути Бесстрастия: никакой похоти, никаких личных привязанностей, долг превыше всего. А Бай Сяньчэнь хотел, чтобы учитель сгорел в пламени страсти к нему, чтобы запутался в сетях этой привязанности, чтобы его радость и гнев стали для него единственным мерилom.

В глазах Се Уцзю все живые существа должны быть равны, а Бай Сяньчэнь желал, чтобы учитель видел лишь его одного.

Эти фанатичные мысли в корне противоречили пути учителя. Вполне естественно, что человек, веками хранивший покой своей души, не желал предавать свои устои.

Будь это чужая история, Бай Сяньчэнь, возможно, восхитился бы стойкостью Се Уцзю или даже пожалел бы его.

Но когда дело коснулось его самого, Бай Сяньчэню хотелось только одного – дать в зубы этому упрямому столетнему бессмертному.

Бай Сяньчэнь ненавидел сны о Се Уцзю. Потому что он одновременно и понимал выбор учителя, и не мог перестать ненавидеть его за этот выбор.

Ладно!

Действительно, хватит.

Бай Сяньчэнь глубоко вздохнул, успокаиваясь. Он уже готов был снова погрузиться в глубокий сон, как вдруг прохладный ветерок вновь коснулся его бровей.

Бай Сяньчэнь резко пришел в себя.

В непроглядной тьме своей временной слепоты он решил, что это компас мстит за дневные унижения.

Бай Сяньчэнь вытянул руку, сложив пальцы пистолетом, и пригрозил:

— Лопань, води себя прилично! Будешь лезть – утром отправлю тебя в переплавку.

А в это время несчастный компас, который находился довольно далеко и пальцем не трогал хозяина, добросовестно охраняя дверь в надежде на утреннюю похвалу, с грохотом свалился на пол.

Если бы он мог говорить, его крик сотряс бы всю гору Тайчу: «Хозяин, меня оклеветали!!!»

<http://bllate.org/book/19453/1908640>